

да», В. Фоменко — «В сальско-
Ф. Вигдоровой — «Четвертый к
А. Медникова — «Хозяева рудни
а также «Один грамм» — главы
книги Г. Фиша, «Записки с
управляющего трестом «Запор
В. Дымшица, стихи Я. Смелякова
коинна, Ю. Левитанского, К.
И. Френкеля.

Много раз выпадало мне счастье видеть Красную площадь в первомайском убранстве, в часы парада и народной демонстрации. Сложился наш, советский традиционный первомайский праздник, и все же каждый Первомай — новый, особенный. И это понятно. Советская жизнь вся в движении, в развитии.

Я помню Красную площадь в те дни, когда по ее булыжникам проходили рабочие с вымпелами... Недавняя Красная гвардия, бравшая штурмом крепости старого режима. Помню время, когда не было радиопропаганды и лозунги с трибуны возмущались «невооруженным» голосом... Демонстрации, возвращались, вынуждены были раскиснуть по тогдашним Нальнику, Варварке, Зарядью, так как мост через Москву-реку был очень узок и не вмещал всей гигантской массы людей.

Теперь к площади ведет зеленый проспект — улица Горького, а от площади через реку перекинут широкий мост — в сторону огромного потока демонстрантов.

И вот она — Красная площадь Москвы в утро 1 мая 1949 года... Час еще ранний, площадь пуста. Но сердце уже сжимается от радостного чувства, что оно бьется в самом центре мира, в центре лучших замыслов и лучших свершений человечества.

Выстроены парад... Поют колыбельные, сабелы. Встреча, рапорт... Перекачанное «ура». Гром оркестра и марш. Идут герои великой борьбы за весну человечества.

Когда маршируют воины народа, орден на их мундирах образуют сплошные золотые полосы в каждой шеренге. Это золотые звезды, оно выплывает в огне боя за Родину, за освобождение многих народов Европы и Азии от фашизма... Вот появились в небе боевые советские авиации. Мы знаем: это наша социалистическая индустрия создала самолеты, которые проносятся сейчас над площадью. Мы знаем: это наши замечательные летчики, в совершенстве освоившие новую технику... На площади — советская кавалерия... И вот идут танки, начинается марш артиллерии, движутся гвардейские минометы, мощные гаубицы...

С гордостью смотрят советские люди на эту, исполненную суровой мощи технику, созданную волей и силой народа. Занятые строительством коммунизма, мы ни на одну минуту не забываем о происхождении империалистических посягательств войны. Вооруженные Силы Советского Союза надежно охраняют мирный социалистический труд советских людей. «Наш народ может быть уверен, что его мирный труд оберегает испытанная в боях сила — Совет-

ская Армия, Авиация и Флот, всегда готовые с честью выполнить свой священный долг перед Родиной», — сказал в этот день маршал Василевский.

Вызывает Спасская башня, отбивая четверть... Ее зно ушами из миллионов мелодий.

Какие люди заполняют места на гостевых трибунах по «ба крыла от мавзолея! Пройдите по рядам — вы увидите, что это рабочие, колхозники, интеллигенты, добившиеся замечательных результатов в труде. Авторы новых романов, создатели новых машин, аппаратов, приборов, животноводы, агрономы, каменщики... Вот группа рабочих, работников, колхозников и колхозниц. У них на пиджаках и платьях много много золота. Золото, которое получило свое применение. Из него сделаны звезды Героев Социалистического Труда, знаки Сталинских премий.

Я встречаюсь с теми, кого видел на снимках в журналах и газетах. Они — стоящие на трибунах — такие же простые люди, как и те, что заполняют улицы Москвы в «жизни» начала демонстрации. И бывает так: директор крупного завода идет в колонне рабочих-демонстрантов, а знаменитый рабочий того же завода находится в числе гостей на трибуне. Мы — общество товарищей, и потому человек с руками слесаря стоит на трибуне рядом с посланцем генералом и руководителем крупнейшего завода.

В годы первых пятилеток возникла традиция — поднимать над колоннами демонстрантов плакаты с портретами и портретами достижений. Так же и теперь — только выдвигая на площадь гигантская река красных знамен со стягом Москвы во главе, застегивая пиффы, проценты, заводские марши, макеты изделий. Вот несут огромную автомобильную шину. А внутри круга усеялась маленькая девочка и чувствует себя, видимо, неплохо. Вот колонна ткачей и ткачих нашей славной Трехгорки. Она выдвигается на площадь образцы новых тканей, пестрых, разнообразных. Сейчас всюду идет борьба за качество. И вполне естественно, что ткачи хотят показать всему народу, каких расцветок ткани будут выпущены весной и летом. Так первомайский парад обогащается новыми яркими подробностями, заключающими в себе и трогательное сердце поэтичность и практический смысл.

Проходя мимо мавзолея, демонстрация замедляет шаг. Все хотят поглядеть товарища Сталина. И каждый чувствует, что товарищ Сталин видит всех. Он при-

ветливо машет рукой, часто улыбается и смеется, и всем нам радостно: в этот день сбылись желания многих сотен тысяч людей — встретиться взглядом с человеком, создающим счастье.

Трибуна мавзолея и Красная площадь — одно целое. Там, на трибуне, стоят верные ученики великого Сталина, его соратники по руководству хозяйством, культурой и политикой первого в мире государства, где трудящийся человек — все! Сталин или Сталин, ученый или солдат, студент или шахтер — каждый, кто шагает по площади, ясно, зримо чувствует, что в советском обществе — все товарищи!

Возникла волнующая традиция — в первомайский день отцы и матери берут с собой малых детей — ведь погода обычно даская, теплая. Особенно много детей сегодня. Отцы несут их на плечах. Один лейтенант мне сказал: «А демонстрация сегодня — двухэтажная! Первый этаж — взрослые, второй — дети...»

Когда взрослые проходят мимо мавзолея, они шепотом глазами Сталина. Увидев, высоко поднимают детей. Пусть дети видят Сталина — под его руководством социализм мы Родиной, отвоюем ее от врагов, и сейчас строим мирную жизнь и необъятное будущее. От детских рук отлетают маленькие красные шары и улетают в небо, как майские птицы весенней голубизны.

Мне радостно было увидеть на площади лицо негра, улыбку китаец, восторженные глаза итальянцев и многих других гостей нашего Первомая. Много у нас друзей, всюду, во всех странах земли! Видно, что люди, пытаясь взглянуть в будущее, пытаются взглянуть в прошлое. Видно, что люди, пытаясь взглянуть в будущее, пытаются взглянуть в прошлое. Видно, что люди, пытаясь взглянуть в будущее, пытаются взглянуть в прошлое.

В первомайской демонстрации 1949 года было то новое, особенное, чем был замечателен год и чем будет он знаменателен.

Необыкновенно ясный, солнечный день... Пять часов шло по Красной площади советские люди. Светило во всю мощь солнце, радовались взрослые, юноши и дети, улыбались и ласково приветствовали всех нас, простых трудящихся людей, наш товарищ Сталин. И очень хорошо после такого Первомая приняться за работу, стать за станок, сесть за рабочий стол или выйти в бескрайнее колхозное поле, чтобы в труде бороться за солнечный мир.

БУДЕТ КНИЖНЫЙ МАГАЗИН В НАШЕМ КОЛХОЗЕ!

Уважаемые товарищи писатели, редакторы и книжнички! Мы обращаемся к вам, через газету наших советских писателей, по поручению общего собрания колхоза имени Ленина. Кирсановского района, Тамбовской области.

Когда-то великий народный поэт Некрасов вопрошал, придет ли время, когда мужик не Блюхера

И не милорада глумого — Белинского и Гоголя С базара понесет?

«Приди желанное», — звал это время Некрасов, но не дождался его прихода. Великая Октябрьская социалистическая революция претворила в жизнь мечту поэта.

С чувством глубокой благодарности советскому правительству, коммунистической партии, родному товарищу Сталину отмечаем мы радостные перемены в жизни, которые принес нам колхозный строй. Жизнь наша становится все счастливее, радостнее. В колхозе темнота, неграмотность, забытую деревню пришла культура, вместе с ней и Белинский, и Гоголь, и многое-многое другое.

До революции в Тамбовской губернии приходилось на сто человек лишь четверть грамотных. Сейчас в нашем колхозе среди восьмидесяти работоспособных его членов нет неграмотных. У большинства колхозников четырехлетнее и семилетнее образование. В школе при колхозе получают семилетнее образование все наши дети. Желаям закончить среднюю школу колхоз идет навстречу: в районном центре (г. Кирсанов) колхоз содержит дом для детей колхозников, обучающихся в десятилетку, техникумах и специальных школах. Мы озабочены сейчас тем, чтобы превратить свою семилетнюю школу в среднюю. На территории колхоза имеются клуб, партийный кабинет, библиотека-читальня, стадион-школа, детский сад и ясли, баня, прачечная, душ, столовая, электростанция, водопровод, магазин, почта, телефонный узел. В клубе оборудова-

ны стационарная звуковая киноустановка, радиоузел, есть духовой оркестр. Постоянно занимаются кружки художественной самодеятельности и физкультурные. Многие из нас живут в новых удобных домах, выстроенных колхозом.

Хозяйство нашей артели является многоотраслевым. Вещное положение в нем занимает животноводство. Вместе с экономическим ростом колхоза (его доход в 1948 г. составил два миллиона триста пятьдесят шесть тысяч рублей) неуклонно повышается материальный и культурный уровень жизни самих колхозников. Все больше и больше старается грани между городом и деревней. Когда-то для крестьянина выпускались книги в «леступной» для него форме — «упрощенные», сокращенные, напечатанные крупным шрифтом. Сейчас уже нет нужды говорить о специальных книгах, доступных пониманию крестьянина. Книга пришла в наш быт. Мы любим и пеним советскую книгу — художественную, сельскохозяйственную, научно-популярную, различные издания, вплоть до академического.

Но в нашей колхозной библиотеке пока еще только 2700 книг. Произведения классиков марксизма-ленинизма, специальные книги по сельскому хозяйству, книги для детей, художественная литература — все это жадно читается. Книг нехватает. Новинки поступают в библиотеку редко, а когда поступают, на них устанавливаются очереди читателей. Нам нужно книг много и разных. Многие в колхозе хотели бы приобрести сочинения и биографии Ленина и Сталина; колхозник Колмазов интересуется литературой по вопросам миротворения; Малохин, работающий в озерной бригаде, хочет приобрести книги по специальности в художественную литературу; Иван Егорович Коробов хотел бы купить произведения Горького; Звеницкая и председатель колхоза Ефимов Ефимович интересуются книгами по воспитанию. Многие из колхозников интересуются художественными произведениями, удостоенными Сталинских премий.

А уж о ребятах-школьниках, о молодежи и говорить не приходится! Тургенев, Горький, Фадеев, Николая Островского, произведения других советских писателей и классиков русской литературы они хотели бы иметь в своей личной библиотеке. Личные библиотеки стали появляться у многих колхозников. Но покупать книги очень сложно. Надо в Тамбов ездить за ними, искать, что не всегда удается.

Материальные возможности позволяют нам иметь свой колхозный книжный магазин. И на своем колхозном собрании мы решили такой магазин построить. В короткий срок, в самом центре села, рядом с памятником Владимиру Ильичу мы возведем для этого специальный дом, снабдим его необходимым оборудованием.

Уверены, что в своем стремлении иметь книжный магазин мы не оставимся одиоками. Социалистическая отечина создает подлинное изобилие духовной культуры для народа. Повсюду в советских селах и деревнях бьет ключом культурная жизнь. Колхозные книжные магазины должны войти в быт новой колхозной деревни.

Нужно только, чтобы нам на первых порах помогли в этом советские писатели, организаторы, торговые клягины, и т. д.

По поручению общего собрания членов сельскохозяйственной артели имени Ленина:

П. ФОКИН, председатель колхоза имени Ленина, депутат Верховного Совета РСФСР, А. КУРГАНОВ, секретарь парторганизации, И. КОРОГОВ, заместитель председателя колхоза, Ф. БАСКАКОВ, бригадир 3-й полеводческой бригады, П. ПШЕНКО, бригадир 2-й полеводческой бригады, депутат Тамбовского областного совета, Е. ЧЕРНЫШЕВА, звеньевая полеводческой бригады, депутат Кирсановского райсовета, В. БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ, директор семилетней школы, А. ЛУЦИШИНА, П. СОЛДАТОВА, звеньевые полеводческой бригады.

Кирсановский район, Тамбовской области.

Мих. СВЕТЛОВ,

специальный корреспондент «Литературной газеты»

ПОЕЗДКА К ЭНТУЗИАСТАМ

— Тебя давно не обдували ветра? — спросил меня по телефону. — Давно. — Поездка по Московской области. Посмотреть книжные магазины!

На следующий день утром мы прибыли в Подольск. Подъезд у хорошей хозяйки квартира не бывает так забито убранным, как подольский книжный магазин. Для того чтобы любить свое дело, нужно быть не просто хозяином, а подлинно советским человеком-хозяином.

Анна Кириковна Мадыева — заведующая магазином — выдвинула нас по своему хозяйству, словно это была Третьяковская галерея, а она — ее директор. Каждый плакат в магазине казался картиной. Каждая книга на прилавке выглядела нарядно.

— Вот это у нас новое дело, — сказала Анна Кириковна и показала на небольшие пачки книг, омытые в бумажных цветных конвертах. Это были забитые собранные библиотеки: «для председателя колхоза», «для животноводов», «для колхозников», «для агитпункта» и т. д. Мне думается, что это хорошее, полезное начинание...

Татьяна Васильевна Соколова — заведующая отделом пропаганды Подольского горкома ВКП(б) — усадила рядом с Анной Кириковной, и эти два государственных деятеля, две сердечные русские женщины очень просили помочь им в любимой и трудной работе.

Чем же и как им нужно помочь? Приближаясь к концу книги. И в работах о нем выплыли наружу все недостатки, какими страдает наша книжная торговля. Книга, словно юная спортсменка, стартовав из застенчивости, рекордно приобретает стелюшку до ближайшего района и здесь останавливается. Путь в деревню она совершает уже не на перекладных. То ли из-за отрываемости в район за книгами, то ли колхозник, будучи на городском рынке, зайдет в книжный магазин... Я утверждал, что прямой связи с деревней у наших книжничков нет.

Как же устранить этот порок? Люди, лучше меня разбирающиеся в этом деле, дадут, наверное, более подробные ответы. Но вот что мне, человеку, только познающемуся с книжным делом, кажется необходимым после разговоров в Подольске.

Забора о продвижении книги лежит по-прежнему до цели. Это неправильно. Думать о книге должна каждая советская организация.

Заведующий избой-читальней кроме книг в библиотеке неплохо обзавестись бы и книгами для продажи. Это не будет для него большой вытрузкой. Колхозные машины часто отправляются в город, и небольшое количество книг не слишком будет давить на ресурсы.

Есть у нас много заводов, где открыты книжные магазины. Эту инициативу должны проявить все заводы, все колхозы. В сегодняшнем номере «Литературной газеты» публикуется письмо из Кирсановского района, Тамбовской области. «Будет книжный магазин в нашем колхозе!» Прекрасную инициативу проявила колхозница, ибо как бы богиз ни был могуществен, у него нехватит технических средств самому проникнуть в каждую деревню.

Наконец, ну, чтобы каждый книжный магазин был культурным центром, таким, каким он является в Подольске. А приходится же такие казусы: в Орловской области, например, должностной раймагизин Колхоза находится в... колхозе. А должностной раймагизин в той же Орловской области размещался в... склепе княгини Голицыной! Нетрудно догадаться, что в таком магазине жизнь не бьет ключом.

Деревня нуждается в ярком красном плакате. Но куда девался художественный лубок? Почему работа папаша предназначена только для дорогих шпательков? Почему папаша не пишет плакатов или пишет очень мало? Почему колхозник не может достать цветную репродукцию с картины?

Тяжелым грузом лежат на полках книги стихов. Но не издаются чтецы-декабристы, которые разошлись бы мгновенно. Нашим издательствам следовало бы выпускать ежегодно сборники лучших стихов. Тогда читатель не придется покупать все вышедшие книги, а лучше стиха последнего времени он сможет прочесть в одной книге, которая вышла большим тиражом.

Путешествовавший вместе с нами директор Гослитиздата А. Котов всю дорогу вел, как толпы. Его книжки из библиотеки русского романа и библиотеки художественной литературы, очень хорошо оформленные, с красочными рисунками, издаваемые огромными тиражами от 100 тысяч и до 750 тысяч экземпляров, стоят дешево и быстро раскупаются.

— Я у вас не залеживаюсь? — спрашивал директор Гослитиздата каждого продавца.

— Нет, товарищ директор, вы у нас не залеживаетесь, — отвечала продавщица.

По дороге в Лопаню мы вспоминали о прекрасной традиции книжных базаров на Тверском бульваре... Маяковский, сив плакат, выискивает автографы на книгах — и своих, и чужих... Выстраивалась огромная очередь... Маяковский сам продал все книги, находившиеся в копее... Вот яркий пример общения писателя с читателем, пример, который следовало бы широко заимствовать и теперь писателям.

В Лопане мы снова встретились с хорошим человеком. Леонид Николаевич Федоров работает в системе Могиза с три-

дцать первого года, окончил школу книгоуча, войну провел в армии. Его магазин был покромнее, чем в Подольске, но оный-таки поражающий любовью отношением к труду. Книги содержались, как письма любимого человека.

Мы разговорились с Леонидом Николаевичем о путях продвижения книги. Где и как найти пронагандистов книги? И вот его мнение: совещаться агрономы и потом развешивать по колхозам; учителя собирались на конференции в районе и потом разошлись по школам; в здравоохране закончил совещание врачи и торжествуют в свои села. Это ли не пронагандисты книги? И так, школьники на детских канькулах, деревенский почтальон — вот люди, которые с успехом смогут выполнить эту почетную роль.

В середине дня мы приехали в Серпухов. Я забыл упомянуть, что очарованный подольским магазином, директор Лопаня, ездивший с нами, шутя просил: «Отдайте бы за такой магазин два своих ленинградских!.. Он имел в виду то печальное обстоятельство, что для книжной торговли отведены в Ленинграде те самые помещения.

В Серпухове он уже предлагал пять магазинов за один такой, как серпуховский. И, действительно, огромные, светлые залы, идеальная чистота, обилие книг делают этот магазин настоящим культурным центром, гордостью подмосковного города.

Николай Михайлович Бороздяков — директор серпуховского магазина — энтузиаст своего дела. Он когда-то был продавцом в продовольственном магазине, но потом переключился на книжное.

— Вы этой своей работой более довольны, чем прежней? — спросил я его.

— Да, — ответил он, — товар обломораживает.

Николай Михайлович просил нас побеседовать с коллективом. Собраться долго не могли расскаться — стеснялся гостей. Потом выступила девушка-продавец и только рассказала, что имено мешает сделать магазин еще лучшим, и от имени коллектива обещала, что у них будет не только красиво, но и очень уютно.

Я смотрел на нее и думал: — На Западе, в Америке книжнички — это разновидность бизнеса и спекуляции. Торговню важно продать книгу, а нашему книжничку важно доставить хорошую книгу до хорошего читателя.

Обилие советского человека — в сознании, в своей ответственности перед обществом. Это чувствовалось в каждом слове девушки, выступавшей перед нами. Такая черта в полной мере была свойственна и всем остальным нашим советским людям, с которыми мы познакомились во время недавнего путешествия по книжным магазинам.

Счастливым днем, когда подряд встречаются хорошие люди!

Московская область.

А. МАРЬЯМОВ

ЗНАМЕНА МИРА

На Спасской башне куранты отбивали первую четверть часа первомайской ночи. Смеялись часовые у мавзолея у Кремлевских ворот, еще десять часов оставалось до начала парада, а солнце уже показало над Дальним Востоком, и уже катер командующего Тихоокеанским флотом резал волны, обходя парадный строй кораблей, и над городом Комсомольск звучала песня демонстрантов, перебранных сюда из Южно-Сахалинска, со скалистых Курилы, из Петропавловска-на-Камчатке.

Люди, которые шли в праздничных колоннах по Ленинской улице Владивостока, моряки Порт-Артура, зверологи Анадыря, все они мыслями уносились к Красной площади, видели мавзолей и над гранитной трибуной — Сталина, отеческую его улыбку и приветственный жест руки.

Барабаны и гонги празднично звучали в тот час и в древнем Бейлине. Люди в синих куртках — крестьяне и рабочие Китая — танцевали народный танец «янгю». Проходили ряженые на высоких колодах, и с хохотом обступала толпа группы, изображавшую американского «дядю Сэма», объявлявшего с японским генералом. Это был первый свободный Май в старой китайской столице, освобожденной народной армией.

Шло с востока солнце. Праздничные песни возникали над Иркутском и Улан-Батором.

А далеко на юге, во Вьетнаме, французская колонизаторская полиция Жюль Мока разогнала людей, собравшихся на митинг в Сайгоне.

Французское радио потом сообщало стыдливо: было разрешено «сообщение чисто профсоюзного характера, но это разрешение было вскоре аннулировано, поскольку собрание утратило свой исключительно профсоюзный характер...»

А какой же оно приобрело характер? Радио об этом умалчивало, но мы знали: люди Вьетнама повторяли те же слова, которые протянулись на плакатах над Красной площадью. Они требовали мира и справедливости, они клеймили погнителей войны, торговцев рабами, врагов человечества.

С надеждой и верой они называли то имя, о котором в тот же час говорили стихающий поэт в городе Карачи, в Пакистане: — Человечество, гуманизм и Сталин — синонимы!

В Лагоре пели песню с припевом: — Революция неизбежно придет и сюда!

Праздник шел дальше и дальше. Плыли знамена по Советской земле, мимо цветущих яблонь и персиков города Фрунзе, пели хлопкоробы Ферганской долины, шли в колоннах виноградарей Алхала и ташкентские праздничные шествия. Из пригородов Памира обрешали к Кремлю свои вязы земледельцы и чеканщики серебра. В «Семии песках Хорезма», на устье новой магистрали встречали праздничные строители дороги Чаржау—Курагра.

Это были гимны вдохновенного, создающего труда, могучий гимн, рождающийся в миллионах сердец, сливающихся воедино в звучащий над всей землей. Гимн большевистской воле и сталинскому гению.

Отсюда доносился этот гимн к Кремлевскому холму над Москвой-рекою — к вершине мира.

Уже заглянул в Южно-Сахалинские цветные огни вечерней иллюминации, уже в Свердловске переменились марш-броски частей сменялись потоком рабочих колонн, уже прошли по улицам Челябинска новые мощные тракторы, когда на Спасской башне начал бить десятый час первомайского утра.

В рядах войск, выстроенных для парада, — сыны всех народов Советского Союза. Потому так уверенно трудится шахтер Чинтур и металлург Магнитки, строитель дорог в Киргизии и нефтяник Баку, овневод Казахстана и комсомолец, сажущий защитную полосу леса в степи близ Херсона; они знают: их братия держат в руках оружие, которое поразило всякого, кто попытается посягнуть на плоды труда советских людей.

Полны трибуны у мавзолея. Здесь люди труда и науки, деятели литературы и искусства, зарубежные гости. И за каждым человеком, который находится здесь, сотни, тысячи других людей, которые ждут расказа о том, что было на Красной площади 1 мая...

И вот наступает торжественная минута. На трибуну Ленинского мавзолея поднимаются Иосиф Виссарионович Сталин. Неудержимой овацией вспыхивают аплодисменты. И снова кажется, что в этом городе сливаются все те аплодисменты, которые звучали сегодня в честь великого Сталина во всех городах и селах нашей Родины.

Вместе с товарищем Сталиным на трибуну мавзолея поднимаются его верные соратники — руководители большевистской партии и Советского правительства, славные полководцы наших Вооруженных Сил.

Министр Вооруженных Сил СССР маршал Советского Союза товарищ Василевский обещает войска. Он говорит в своей речи, обращенной к солдатам и матросам, офицерам, генералам и адмиралам, во всем трудящимся Советского Союза:

«С целью завоевания мирового господства, правящие круги Соединенных Штатов Америки открыто перешли к агрессивной политике курсу. Они усиленно сколачивают военные базы. Теперь, после заключения Северо-Атлантического пакта, всем стало ясно, что острое это агрессивной политики направлено против СССР и стран народной демократии.

В ответ на эти происки погнителей войны трудящиеся всех стран должны укреплять свои силы под знаменем борьбы за мир во всем мире.

Трудящиеся всех стран слышат этот призыв.

Об этом говорит лозунг, пронесенный в этот момент по улицам Ленинграда: «Красная Армия никогда не будет использована для агрессии!»

В Стокгольме полиция уничтожила плакаты, с которыми шли демонстранты от парка Ваза к району Эрлет: «Советский Союз требует разоружения и запрещения атомного оружия, а США вооружаются и угрожают миру атомной бомбой!»

«Цели Атлантического пакта — торпедировать мир во всем мире и возвратить Организацию Объединенных Наций!»

Можно разорвать плакаты, но правду уничтожить нельзя. Те же слова, что были написаны на плакатах, — стоковые демонстранты повторяли в это тысяч голосов. И о том же говорили на своих первомайских митингах портовые рабочие Тулона, люские ткачи, машиностроители Геллуи, шахтеры турецкого Зонгюдака.

Группа малышей в Париже несла транспарант: «Война — это смерть, а мы хотим жить!»

За то, чтобы эти малыши выросли французами, а не гитлеровскими рабами, — сражались люди, которые, сверкая золотыми звездами Героев и боевых орденов, проходили по Красной площади. И бегала мощь пушек, танков, «катюш», грохочущих в парадном строю, стремительные расчерки реактивных самолетов в московском небе — это сила, созданная для того, чтобы отвести войну и не позволить врагам человечества снова призвать смерть на истерзанное поля Европы.

В 11 часов 20 минут на Красную площадь хлынули колонны демонстрантов. — Сталин! — неслось из рядов. — Родному Сталину ура!

Подлетившая знамен переменилась транспарантами, на которых были пиффы производственных побед, преобразующих всю Советскую землю.

А в Софии и Праге, в Варшаве и Будапеште, в Бухаресте и Тиране шли люди, которые совсем недавно впервые познали радость освобожденного труда. И в Красной площади была обращена их благодарность за великий пример, за свет маяка, озарившего дорогу к счастью.

Среди колонн, проходивших от Исторического музея, показало зная трамвайщиков Русаковского парка. Мысленно вместе с ними вступала на площадь другая колонна: рабочие трамвая в Брюсселе, которые проходили в тот момент по улицам своего города под знаменем, подаренным москвичами...

В Берлине рабочие района Крейцберг проворачивали через шпеты американской военной полиции и «черногардейцев»-фашистов, чтобы сдаться с остальными 19 районами и выйти в Лостратер.

В Лондоне тысячи людей, сметаая полицейские кордоны, заполнили Крейборт-стрийт и охватив приветствовали слова Гарри Поллата:

— Пусть враги поймут: им не замедлить движения к коммунизму!

В Эдинбурге полиция не пропустила колонну коммунистов в сквер, где должен был состояться первомайский митинг. Но митинг состоялся там, где были коммунисты. К ним пришли все, кто был в сквере. Они восклицали:

— Да здравствует Россия! Да здравствует Сталин! Мир миру!

В Нью-Йорке ветераны войны прошли вместе с организацией компартии. На полонной колыскался фигура с ослепленным черепом на фоне торчащих штыков: фронтовики разбавляли Северо-атлантический пакт...

В Буэнос-Айресе рабочие перекричали правительство. Полиция подготовилась к схватке 1 мая, демонстрация состоялась на том раннее.

И всюду несли лозунги мира, призывы к дружбе с Россией.

— Мать народных масс во всем мире превосходит силы реакционеров и националистов, — восклицал Токуда перед небывалой еще в Токио демонстрацией в 250.000 человек.

Красную площадь слышали на площади Бастилии и в Трафалгар-сквере, в Лостратере и на площади Эрляя в чилийской столице Сант-Иго, на площади Свободы в Варшаве и на площади Победы в Бухаресте.

Это был последний единый и грандиозный митинг передового человечества, стремившегося к миру и опирающегося на мощь и величие Страны Советов, на великую сталинскую правду большевизма.

Удушливо-дымный и когтистый факел мировой буржуазной печати служат послушным орудием в руках современных поджигателей войны, грозящих залить мировой небосклон кровавым заревом нового всемирного пожара.

Продажная пресса, муштруемая и погоныяемая американскими инструкторами клеветнических дел, каждую свою «новость» давно уже взвешивает и оценивает с единственной точки зрения: насколько эта новость полезна тем, кто засел в фортах и бастионах Уолл-стрит — главной крепости капитализма.

Положение создалось настолько скандально ясное, что даже мистер Уинчурин Биен (английский министр здравоохранения, позволяющий себе изредка о явно демократических целях «отводить душу» молниеносной вспышкой откровенности, а затем вновь прочно и надолго погружаясь в болоте лейборизма) недавно признал, что протестированной капиталистической прессой во всем мире «владеет банда миллионеров». В качестве красноречливой иллюстрации этому признанию можно привести тот факт, что только одна американская компания «Уэстерн Ньюспейпер юшн» безоговорочно диктует свою волю более чем трем тысячам ежедневных в США, иначе говоря — трем тысячам точек по распространению лжи и клеветы и беззастенчивому рекламированию «американского образа жизни».

Разнузданное наступление американской реакции внутри страны отражается, конечно, и в области печати. Газетные монополии США решительно приканчивают — ударом чеховой книжки! — даже те издания, которые кажутся им подозрительными хотя бы по части буржуазного либерализма. Показательна в этом смысле судьба газет «Нью-Йорк стар» и «Нью-Йорк пост».

Первая из них, — «Нью-Йорк стар», — окрасившая свои страницы в желто-розовый цвет, в основном довольно решительно поддерживала реакцию; однако время от времени, стремясь увеличить тираж, она позволяла себе делать робкий шаг в сторону либерализма. Из этого оказалось вполне достаточно, чтобы с газетой было покончено: монополистический удав задушил ее на седьмом месяце бесславной жизни...

История газет «Нью-Йорк пост» сводится к политическому фарсу, разыгранному в допорочном буржуазном семействе. Издательница этой газеты — госпожа Такри приходится женой бывшему редактору той же газеты — господину Такри.

Господин Такри имел неосторожность оптимизировать лидера прогрессивной партии Генри Уоллеса. И вот газетные «боссы» обратились к госпоже Такри с весьма недвусмысленным предложением: «Ваше дело семейное счастье». Госпожа Такри, как и подобает бизнесмену, без долгих размышлений указала господину Такри на дверь.

В этом случае, звучащем почти анекдотически, полностью отразились тем не менее, как в капле грязной воды, гангстерские нравы газетных «боссов» США.

Так хозяйничают монополии в американской буржуазной печати. Не менее разнуздано они ведут себя и в странах маршаллизованных Европы. Старейшие буржуазные газеты этих стран, особенно лейб-органы правых социалистов, покажутся расшаркивающимися перед ними и на все лады заявляют о своей готовности поступить на содержание к «господину доллару». А заокеанские газетные барышники, мечтающие об установлении господства над всей мировой печатью, приобретают «солдские издания» оптом и в розницу. Одной из наиболее «громких» сделок явилась закупка «официоза» французских правых социалистов «Популяр» газетным трестом Скринш-Говард. Как сообщила итальянская газета «Република», одновременно столь же лестное предложение было сделано газете «Об», органу партии МРП, представители которой воссоединяются в правительстве.

В руках у американских поджигателей войны во Франции немало и всякого рода иных печатных изданий, ценю еще поделешее. Таков ежедневный «Оз» (Экзут), что в переводе примерно означает: «Мы подслушиваем». Кто же подслушивает, подсматривает, клеветает по приказу и по заказу американских монополий, прикрываясь вывеской этого журнала? Некий Лазурин (это не опечатка!) — достояние, а по силе которого орудовать темные личности из «Банка Лазар», подчиненного американскому крупному капиталу. Та же шайка наемников Морган «направляет» газету «Орор», ежедневный «Ла смен» и ряд других изданий. Из «долларового корыта» получают ежемесячное пропитание и такие издания, как «Табль ронд» или «Лавсе либр», и такие, совсем уже подметенные листки, как «Флаббо» — бывший орган умершего фашиста де ла Рока.

Наряду с Францией американские бизнесмены не оставляют без внимания также Италию. Зесь «закруточные операции» приобрели меньший размах. Дело дошло до того, что фальшивый миллионер Френк Палуэм — доверенное лицо Уолл-стрита — решил купить близкую к правящим кругам газету «Джорнале д'Италия» за полтора миллиона долларов. Мог ли в самом деле Гасперия устоять перед этим натиском, особенно если учесть, что мистер Палуэм обещал «про-

пагандировать среди итальянцев американский образ жизни»?

Состоящая на службе у поджигателей войны печать изо всех сил старается запугать народы близостью якобы неминуемой и неотвратимой войны. Так, валинтонскому обозревателю «Нью-Йорк пост» Вандевендеру ничего не стоит объявить, что война «опасно близка» и «может начаться завтра или на следующей неделе». Верит ли этот лжец и клеветник в то, что он сообщает читателям? Нисколько. Но он стремится изо всех сил поддержать вознишний пошток во всем мире, подлить масла в огонь антисоветской пропаганды и в этом отношении готов не падать никаких усилий.

Рядом с ним мистер Болдуин — обозреватель «Нью-Йорк таймс». Этот увертливый, что современное положение было бы требовало срочного введения в Западную Германию 45—50 чрезвычайно мобильных дивизий с тяжелым вооружением и с приданными им многочисленными военноморскими силами. И заявление Болдуина является чистойшей провокацией, в основе ее лежит все то же стремление поддерживать военную лихорадку.

Подобного рода «сенсационными» известиями и «прогнозами» буквально загромождены сейчас столбы американизированной печати в любой капиталистической стране. И весь этот визгливый хор клеветников, провокаторов, пропагандистов войны и трубадуров агрессии ставит своей задачей прежде и раньше всего парализовать стремление человечества к миру, во что бы то ни стало поколебать его твердую веру в возможность разрешения любых разногласий доводами разума, а не силой оружия.

Немудрено, что если в этой среде усердных приспешников американских людоедов обнаруживается все же человек, готовый назвать черное — черным, агрессора — преступником, — с ним расправляются самым жестоким, гангстерским способом. Пора бы уже ввести в политический обиход современной «империю доллара» короткую формулу: «убить при попытке сказать правду», которая отнюдь не случайно наводила бы о кровавых нравах гитлеровской Германии.

Именно при такой «попытке сказать правду» и был зверски убит, например, американский журналист Джордж Полк, посланный радиоконцепцией «Колумбия» в Грецию. Закончивший несколько дней назад процесс по делу об убийстве Полка явился типичной англо-американской провокацией, направленной против лагеря демократии, и вновь, как лучшим прожектором, осветил то место, какое отводят своей печати поджигатели войны.

В чем состояло «преступление» журналиста Джорджа Полка? В том, что он попытался приподнять занесу над злодеяниями англо-американских колонизаторов в Греции. Полк не считал себя человеком «дерзким» политическим идеолом. Он лишь предполагал, что ни дивиденды, ни радиослушательная компания «Колумбия» не пострададут от того, что он лично посетит солдат демократической армии Греции и затем расскажет простым американцам обо всем том, что увидел. Тайные агенты англо-американской разведки, кстати говоря, связанные с печатью греческих монархических фашистов, вызвались «устроить» эту поездку. Они усаживали Полка в лодку, показывали, куда и как плыть, а затем на прощание злодейски убили его выстрелами в спину.

Организаторы провокационного убийства сразу же поспешили через печать объявить «виновной» во всем греческую компартию». Услужливые газеты по приказу американской реакции изо всех сил мусировали эту клеветническую версию, а некоторые из нечестных на руку журналистов оказались прямо замешанными в таинственный «исчезновение» писем Джорджа Полка к американским друзьям, в которых он выражал беспокойство за свою судьбу.

Несмотря на все принятые «меры», процесс обернулся против его организаторов. Главный обвинитель был разоблачен как агент английской разведки, а все нити следствия явно вели в американский штаб.

Стоит остановиться еще на одном факте: в зале суда не только во время воссоздания, но и безоговорочно со «свидетелями» матерый американский разведчик генерал Доноуэн. Смысл этих «бесед» не вызывает никаких сомнений.

Характерно все же, что мистер Доноуэн официально представлял, конечно, не свое учреждение и не собственную персону. Он появился на процессе в качестве «представителя американского комитета журналистов». Столь тесное «единение» на все готовой американской печати и на все способной американской разведки нельзя не признать символическим!

Владельцы газетных монополий очень любят напоминать о том, что целлолоза — это продукт, из которого вырабатываются и бумага и взрывчатые вещества. Но газета — это не только бумага. Это, как известно, еще и слова, которыми выражены мысли. Современные поджигатели войны уверены, в том, что, изгнав со столбов своей печати ипущую, встревоженную, ненавидящую войну и беспокойную человеческую мысль, — они тем самым раз и навсегда эту мысль разрушили и утишили. И в этой уверенности как раз и заключен их самый большой просчет!

ИЗ ИНОСТРАННОЙ ПЕЧАТИ

«СВОБОДА НАУКИ» ПО-АМЕРИКАНСКИ

Недавно в США из университета штата Орегон был уволен за «непопулярность» профессор химии Ральф Спирер. Вся «вина» этого ученого заключается в том, что он написал письмо в редакцию журнала «Бемикс энд инджиниринг Ньюс», в котором призывал американских научных работников ознакомиться с трудами академика Лысенко и, в частности, с его

докладом на сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук.

Сообщая о позорном факте очередной расправы с прогрессивным ученым в США, газета «Дейли уоркер» пишет: «Разгуд террора в наших высших учебных заведениях почти полностью соответствует положению, существовавшему в нацистских школах гитлеровской Германии».

Франские реакционеры варварски сжигают книги прогрессивных азербайджанских писателей.

Палач! Ты книга начал жечь, бросая пачками в костер! В них — слова множества умов, желанья множества сердец.

Мы покидаем этот мир, но, брэнности наперекор, Бессмертны сотни наших книг — высокой мысли образцы. В них — слова множества умов, желанья множества сердец.

Вглядись, как светится костер, который ты соорудил. Бушует пламя и растет и освещает нам века. Поэты мертвые встанут, приподнимаясь из могил, Свой героический народ приветствуют издакала. Бушует пламя и растет и освещает нам века.

Тридцать сребреников современного Иуды.

4 апреля в зале заседаний 17-й камеры парижского суда закончился лживый процесс Иуды Кравченко, обвинившего французский ежедневный «Леттр франсез» в клевете по его, Иуды, адресу.

Сейчас, после двадцати пяти судебных заседаний, которые, в целях антисоветской пропаганды, американские организаторы этого процесса и их французские подручные старались сделать невозможным более шумными, стоит а очень коротких словах вспомнить все, что произошло на процессе, вспомнить для того, чтобы в полной мере оценить всю глубину и скандальность протеста этой очередной провокации.

Иуда Кравченко подал в суд на ежедневный «Леттр франсез» за то, что в «Леттр франсез» были напечатаны статьи, доказывавшие, что он, Кравченко, является предателем своей родины, десертником в военное время, платным агентом американской разведки, моральным подонком, пилинцем, расстратчиком и вором, поставившим свою подпись под книгой, состряпанной американскими разведчиками. Кравченко предъявил три судебных иска, утверждая, что все заявления «Леттр франсез» являются якобы клеветой, порочат его доброе имя и наносят тем самым ему материальный ущерб в общей сумме 10 миллионов франков.

Как мы видим, Иуда довольно высоко оценил свое «доброе имя» и размеры причиненного ему ущерба. Кроме того, он еще и принципиально отличается от еврейского Иуды тем, что тот старомодный предатель, получив свои тридцать сребреников, пошел и тихо ушел на ослине. Этот же, современный воспитанный гангстер, получив тридцать сребреников от американской разведки, не только не повеселся, но, вполне в духе американского бизнеса, попытался приумножить свой иудин капитал, получив еще 10 миллионов франков с честных людей, имевших смелость упомянуть о полученных им ранее тридцати сребрениках.

Правда, 10 миллионов франков — это сейчас не так уж много, как кажется на первый взгляд: это всего-навсего 30 тысяч долларов, и при том не довоенных, а теперешних, то есть, еще раза в три меньше, но все же надо признать, что даже при этих обстоятельствах аппетиты американизированного Иуды чрезвычайно велики.

В самом деле, ну, предьявлю он иск в эти 30 тысяч долларов американской разведке, сначала обещавшей ему за предательство эту сумму, а потом не заплатившей, — тут все было бы понятно: 30 тысяч долларов, в конце концов, не такая уж большая плата за такое гнусное предательство. Но ведь с этой стороны как раз все в порядке: деньги за предательство им давно получены, а 30 тысяч долларов Иуда хочет получить за печатное порицание своего «честного имени», а это уж, конечно, просто нахальная сумма. Ее расплатя так же сам французский судья господин Дюркейм, который, не смея ослушаться указующего заокеанского перста и признав законность иска, все-таки не согласился с суммой, на которую претендовал Иуда, и оценил понесенный им ущерб по каждому из трех исков всего-то в 150 долларов, наложив на ответчиков штраф по каждому из этих трех исков в 15 долларов. Суммы, как мы видим, значительно более скромные, чем те, которые рассчитывал заработать Иуда.

Усть не обижается на нас французские судьи за то, что мы назначили им во франках суммы возмещения убытков и штрафов переводом в доллары. С формальной точки зрения — перевод точный: один доллар за 333 франка, а с точки зрения существа вопроса — во всем этом процессе гораздо сильнее пахнет долларами, чем франками, так что вполне позволительно, решая, в какой валюте исчислять цену всего этого процесса, сразу посмотреть в корень дела — доллар.

Кстати сказать, это, как говорят юристы, все-таки «смягчающее вину» судебное обстоятельство. Когда служащий чиновником в маршаллизированной стране, то с американками шутки плохи, а особенно судьям: тут и более или менее пристойной юридической формулой обидеть, и приказ из-за океана выполнить, — словом, положение незавидное!

Надо сказать, что в этом незавидном положении суд очутился с первых же дней процесса. С одной стороны, заокеанские хозяева Кравченко и их высокопоставленные французские подручные вроде Жюль Мокка настаивали на откровенном антисоветском характере процесса, требовали введения десертника и расстратчика в рагг чоты ли не идейного борца за «демократию» и личннч высказывали ему в Париж на подмогу разного рода подкупленных подонков и военных преступников из разных оккупаций.

С другой стороны, все честные люди мира, представители французского народа, деятели Сопротивления, десятки свидетелей — американцы, французы, советские граждане, — о каждом дне суда с его трибуны все беспощаднее и нагляднее разоблачали предательскую, шпионскую и клеветническую деятельность Иуды Кравченко. Было доказано, что он — изменник своей родины, было доказано, что он — десертник, бежавший с военной службы в военное время. Было доказано, что он — предатель, во время войны выступивший против своей родины с заявлениями, ко-

Палач! На нашем языке баять! сложенны давно. Скажи мне, понял ли ты их, душой навеки окаменев? Трепещет сердце матерей, в любом стихе заключено, Вольнолюбиво мечтой согрет чудесный их напев. Скажи мне, понял ли ты их, душой навеки окаменев?

Зачем с презрением ты глядишь на песни родины моей? Гордись поэтом, весь Восток поет газели Фузули. Покрты славою сыны азербайджанских матерей, Лишь ты поносишь и хулишь родной народ моей земли. Гордись поэтом, весь Восток поет газели Фузули.

Палач! Сгорев в твоём огне, мечта не обратится в пилы. Нет, не рабами создала своих детей природа-мать. Стремится каждый человек преобрести мечтание в быль,

1 Форма азербайджанского национального стиха.

Дастан свободы сам народ обязан кровью написать! Нет, не рабами создала своих детей природа-мать!

Я изначала враз всему, что составляет облик твм. Свою любовь, свое лицо имеет каждая страна. На всю вселенную сменить отпущу не согласны мы, Страна сверкающих огней—всего дороже нам она. Свою любовь, свое лицо имеет каждая страна.

Ликуй, гарция на коне, пока арена за тобой! В наряде алом по земле идет великая весна. Я сам из поколения тех, кто выводил народы в бой, Как солнце, смотрит на Восток меня родная страна, В наряде алом по земле идет великая весна.

Перевел с азербайджанского Н. ЗАБОЛОТНИК.

Константин СИМОНОВ

Палач! На нашем языке баять! сложенны давно. Скажи мне, понял ли ты их, душой навеки окаменев? Трепещет сердце матерей, в любом стихе заключено, Вольнолюбиво мечтой согрет чудесный их напев. Скажи мне, понял ли ты их, душой навеки окаменев?

Зачем с презрением ты глядишь на песни родины моей? Гордись поэтом, весь Восток поет газели Фузули. Покрты славою сыны азербайджанских матерей, Лишь ты поносишь и хулишь родной народ моей земли. Гордись поэтом, весь Восток поет газели Фузули.

Палач! Сгорев в твоём огне, мечта не обратится в пилы. Нет, не рабами создала своих детей природа-мать. Стремится каждый человек преобрести мечтание в быль,

1 Форма азербайджанского национального стиха.

Палач! На нашем языке баять! сложенны давно. Скажи мне, понял ли ты их, душой навеки окаменев? Трепещет сердце матерей, в любом стихе заключено, Вольнолюбиво мечтой согрет чудесный их напев. Скажи мне, понял ли ты их, душой навеки окаменев?

Зачем с презрением ты глядишь на песни родины моей? Гордись поэтом, весь Восток поет газели Фузули. Покрты славою сыны азербайджанских матерей, Лишь ты поносишь и хулишь родной народ моей земли. Гордись поэтом, весь Восток поет газели Фузули.

Палач! Сгорев в твоём огне, мечта не обратится в пилы. Нет, не рабами создала своих детей природа-мать. Стремится каждый человек преобрести мечтание в быль,

1 Форма азербайджанского национального стиха.

Палач! На нашем языке баять! сложенны давно. Скажи мне, понял ли ты их, душой навеки окаменев? Трепещет сердце матерей, в любом стихе заключено, Вольнолюбиво мечтой согрет чудесный их напев. Скажи мне, понял ли ты их, душой навеки окаменев?

Зачем с презрением ты глядишь на песни родины моей? Гордись поэтом, весь Восток поет газели Фузули. Покрты славою сыны азербайджанских матерей, Лишь ты поносишь и хулишь родной народ моей земли. Гордись поэтом, весь Восток поет газели Фузули.

Палач! Сгорев в твоём огне, мечта не обратится в пилы. Нет, не рабами создала своих детей природа-мать. Стремится каждый человек преобрести мечтание в быль,

1 Форма азербайджанского национального стиха.

Палач! На нашем языке баять! сложенны давно. Скажи мне, понял ли ты их, душой навеки окаменев? Трепещет сердце матерей, в любом стихе заключено, Вольнолюбиво мечтой согрет чудесный их напев. Скажи мне, понял ли ты их, душой навеки окаменев?

Зачем с презрением ты глядишь на песни родины моей? Гордись поэтом, весь Восток поет газели Фузули. Покрты славою сыны азербайджанских матерей, Лишь ты поносишь и хулишь родной народ моей земли. Гордись поэтом, весь Восток поет газели Фузули.

Палач! Сгорев в твоём огне, мечта не обратится в пилы. Нет, не рабами создала своих детей природа-мать. Стремится каждый человек преобрести мечтание в быль,

1 Форма азербайджанского национального стиха.

Палач! На нашем языке баять! сложенны давно. Скажи мне, понял ли ты их, душой навеки окаменев? Трепещет сердце матерей, в любом стихе заключено, Вольнолюбиво мечтой согрет чудесный их напев. Скажи мне, понял ли ты их, душой навеки окаменев?

Зачем с презрением ты глядишь на песни родины моей? Гордись поэтом, весь Восток поет газели Фузули. Покрты славою сыны азербайджанских матерей, Лишь ты поносишь и хулишь родной народ моей земли. Гордись поэтом, весь Восток поет газели Фузули.

Палач! Сгорев в твоём огне, мечта не обратится в пилы. Нет, не рабами создала своих детей природа-мать. Стремится каждый человек преобрести мечтание в быль,

1 Форма азербайджанского национального стиха.

Палач! На нашем языке баять! сложенны давно. Скажи мне, понял ли ты их, душой навеки окаменев? Трепещет сердце матерей, в любом стихе заключено, Вольнолюбиво мечтой согрет чудесный их напев. Скажи мне, понял ли ты их, душой навеки окаменев?

Зачем с презрением ты глядишь на песни родины моей? Гордись поэтом, весь Восток поет газели Фузули. Покрты славою сыны азербайджанских матерей, Лишь ты поносишь и хулишь родной народ моей земли. Гордись поэтом, весь Восток поет газели Фузули.

Палач! Сгорев в твоём огне, мечта не обратится в пилы. Нет, не рабами создала своих детей природа-мать. Стремится каждый человек преобрести мечтание в быль,

1 Форма азербайджанского национального стиха.

Палач! На нашем языке баять! сложенны давно. Скажи мне, понял ли ты их, душой навеки окаменев? Трепещет сердце матерей, в любом стихе заключено, Вольнолюбиво мечтой согрет чудесный их напев. Скажи мне, понял ли ты их, душой навеки окаменев?

Зачем с презрением ты глядишь на песни родины моей? Гордись поэтом, весь Восток поет газели Фузули. Покрты славою сыны азербайджанских матерей, Лишь ты поносишь и хулишь родной народ моей земли. Гордись поэтом, весь Восток поет газели Фузули.

Палач! Сгорев в твоём огне, мечта не обратится в пилы. Нет, не рабами создала своих детей природа-мать. Стремится каждый человек преобрести мечтание в быль,

1 Форма азербайджанского национального стиха.

Палач! На нашем языке баять! сложенны давно. Скажи мне, понял ли ты их, душой навеки окаменев? Трепещет сердце матерей, в любом стихе заключено, Вольнолюбиво мечтой согрет чудесный их напев. Скажи мне, понял ли ты их, душой навеки окаменев?

Зачем с презрением ты глядишь на песни родины моей? Гордись поэтом, весь Восток поет газели Фузули. Покрты славою сыны азербайджанских матерей, Лишь ты поносишь и хулишь родной народ моей земли. Гордись поэтом, весь Восток поет газели Фузули.

Палач! Сгорев в твоём огне, мечта не обратится в пилы. Нет, не рабами создала своих детей природа-мать. Стремится каждый человек преобрести мечтание в быль,

1 Форма азербайджанского национального стиха.

Палач! На нашем языке баять! сложенны давно. Скажи мне, понял ли ты их, душой навеки окаменев? Трепещет сердце матерей, в любом стихе заключено, Вольнолюбиво мечтой согрет чудесный их напев. Скажи мне, понял ли ты их, душой навеки окаменев?

Зачем с презрением ты глядишь на песни родины моей? Гордись поэтом, весь Восток поет газели Фузули. Покрты славою сыны азербайджанских матерей, Лишь ты поносишь и хулишь родной народ моей земли. Гордись поэтом, весь Восток поет газели Фузули.

Палач! Сгорев в твоём огне, мечта не обратится в пилы. Нет, не рабами создала своих детей природа-мать. Стремится каждый человек преобрести мечтание в быль,

1 Форма азербайджанского национального стиха.

Палач! На нашем языке баять! сложенны давно. Скажи мне, понял ли ты их, душой навеки окаменев? Трепещет сердце матерей, в любом стихе заключено, Вольнолюбиво мечтой согрет чудесный их напев. Скажи мне, понял ли ты их, душой навеки окаменев?

Зачем с презрением ты глядишь на песни родины моей? Гордись поэтом, весь Восток поет газели Фузули. Покрты славою сыны азербайджанских матерей, Лишь ты поносишь и хулишь родной народ моей земли. Гордись поэтом, весь Восток поет газели Фузули.

Палач! Сгорев в твоём огне, мечта не обратится в пилы. Нет, не рабами создала своих детей природа-мать. Стремится каждый человек преобрести мечтание в быль,

1 Форма азербайджанского национального стиха.

Палач! На нашем языке баять! сложенны давно. Скажи мне, понял ли ты их, душой навеки окаменев? Трепещет сердце матерей, в любом стихе заключено, Вольнолюбиво мечтой согрет чудесный их напев. Скажи мне, понял ли ты их, душой навеки окаменев?

Зачем с презрением ты глядишь на песни родины моей? Гордись поэтом, весь Восток поет газели Фузули. Покрты славою сыны азербайджанских матерей, Лишь ты поносишь и хулишь родной народ моей земли. Гордись поэтом, весь Восток поет газели Фузули.

Палач! Сгорев в твоём огне, мечта не обратится в пилы. Нет, не рабами создала своих детей природа-мать. Стремится каждый человек преобрести мечтание в быль,

1 Форма азербайджанского национального стиха.

Палач! На нашем языке баять! сложенны давно. Скажи мне, понял ли ты их, душой навеки окаменев? Трепещет сердце матерей, в любом стихе заключено, Вольнолюбиво мечтой согрет чудесный их напев. Скажи мне, понял ли ты их, душой навеки окаменев?

Зачем с презрением ты глядишь на песни родины моей? Гордись поэтом, весь Восток поет газели Фузули. Покрты славою сыны азербайджанских матерей, Лишь ты поносишь и хулишь родной народ моей земли. Гордись поэтом, весь Восток поет газели Фузули.

Палач! Сгорев в твоём огне, мечта не обратится в пилы. Нет, не рабами создала своих детей природа-мать. Стремится каждый человек преобрести мечтание в быль,

1 Форма азербайджанского национального стиха.

Палач! На нашем языке баять! сложенны давно. Скажи мне, понял ли ты их, душой навеки окаменев? Трепещет сердце матерей, в любом стихе заключено, Вольнолюбиво мечтой согрет чудесный их напев. Скажи мне, понял ли ты их, душой навеки окаменев?

Зачем с презрением ты глядишь на песни родины моей? Гордись поэтом, весь Восток поет газели Фузули. Покрты славою сыны азербайджанских матерей, Лишь ты поносишь и хулишь родной народ моей земли. Гордись поэтом, весь Восток поет газели Фузули.

Палач! Сгорев в твоём огне, мечта не обратится в пилы. Нет, не рабами создала своих детей природа-мать. Стремится каждый человек преобрести мечтание в быль,

1 Форма азербайджанского национального стиха.

Палач! На нашем языке баять! сложенны давно. Скажи мне, понял ли ты их, душой навеки окаменев? Трепещет сердце матерей, в любом стихе заключено, Вольнолюбиво мечтой согрет чудесный их напев. Скажи мне, понял ли ты их, душой навеки окаменев?

Зачем с презрением ты глядишь на песни родины моей? Гордись поэтом, весь Восток поет газели Фузули. Покрты славою сыны азербайджанских матерей, Лишь ты поносишь и хулишь родной народ моей земли. Гордись поэтом, весь Восток поет газели Фузули.

Палач! Сгорев в твоём огне, мечта не обратится в пилы. Нет, не рабами создала своих детей природа-мать. Стремится каждый человек преобрести мечтание в быль,

1 Форма азербайджанского национального стиха.

Палач! На нашем языке баять! сложенны давно. Скажи мне, понял ли ты их, душой навеки окаменев? Трепещет сердце матерей, в любом стихе заключено, Вольнолюбиво мечтой согрет чудесный их напев. Скажи мне, понял ли ты их, душой навеки окаменев?

Зачем с презрением ты глядишь на песни родины моей? Гордись поэтом, весь Восток поет газели Фузули. Покрты славою сыны азербайджанских матерей, Лишь ты поносишь и хулишь родной народ моей земли. Гордись поэтом, весь Восток поет газели Фузули.

Палач! Сгорев в твоём огне, мечта не обратится в пилы. Нет, не рабами создала своих детей природа-мать. Стремится каждый человек преобрести мечтание в быль,

</